

Государственное принуждение в русской правовой мысли XI – начала XVIII вв.: особенности концептуализации

УДК 321.7+342.3

Евдокимов Владимир Владимирович

Аспирант кафедры теории и истории государства и права, Таганрогский институт управления и экономики (г. Таганрог, Россия); e-mail: aum.07@mail.ru

Статья получена: 15.01.2017. Рассмотрена: 22.01.2017. Одобрена: 26.02.2017. Опубликовано онлайн: 24.03.2017. © РИОР

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты института государственно-правового принуждения в рамках отечественного политико-правового дискурса XI – начала XVIII вв. Автор анализирует проблему в широком культурном и доктринальном контексте, показывает эволюцию идей в отношении содержания и социальной значимости государственно-правового принуждения в российском правовом и духовном пространстве.

Ключевые слова: государственное принуждение, право, справедливость, свобода, законность

Проблематика развития правовых и политических институтов в условиях модернизационных процессов и, тем более, в переходный период, для отечественной (досоветской, советской и современной) юридической науки, конечно, не нова. В теоретико-правовом и государствоведческом аспекте в той или иной мере к ней обращались представители либеральной русской мысли – К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев и др., предлагая проекты пореформенного развития институтов русского государства и права во второй половине XIX – начале XX в. Представители отечествен-

ного консерватизма и евразийства – К.П. Победоносцев, Л.И. Тихомиров, М.Н. Катков, Н.Н. Алексеев, Н.С. Трубецкой и др. – анализировали национальную политико-правовую реальность и модели дальнейшей эволюции государственных и социально-юридических институтов. Эти исследователи в широком модернизационном контексте рассматривали содержание и специфику функционирования механизма государственного (государственно-правового) принуждения, «погружая» его в переходное политико-правовое пространство, во многом опираясь на имеющую место традицию рассматривать эту важную для нормального существования любого государства правовую конструкцию.

Однако следует отметить, что даже у многих представителей отечественной (классической) государственно-правовой мысли далеко не всегда при изучении специфики государственно-правового принуждения в национальном политическом мире присутствует культурно-цивилизационный аспект, что, естественно, «обедняет» полученные выводы, результативные положения и т. п. В этом плане большой интерес представляет близкий к российскому государственно-правовому и социальному

STATE COMPULSION IN RUSSIAN LEGAL THOUGHT
IN THE XI – EARLY XVIII CENTURIES:
FEATURES OF CONCEPTUALIZING

Evdokimov Vladimir

Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economy (Taganrog, Russia); e-mail: aum.07@mail.ru
Manuscript received: 15.01.2017. Revised: 22.01.2017. Accepted: 26.02.2017. Published online: 24.03.2017. © RIOR

Abstract. The article deals with the various aspects of state legal compulsion within the domestic political and legal discourse in the XI – early XVIII centuries. The author analyses the problem in legal, cultural and doctrinal context, shows the evolution of ideas on the content and the social importance of government coercion in the Russian legal and spiritual space.

Keywords: state compulsion, law, justice, freedom, the rule of law.

полно византийский опыт доктринального анализа категории и механизма принуждения, в который были вовлечены такие понятийные конструкты, как «право», «закон», власть, «наказание», «император» и др. В целом, проблема юридической и духовной природы института государственного принуждения решалась в широком «греко (эллинистическом)-римском» контексте. В частности, византийские интеллектуалы (например, Иоанн Стобей, первая половина V в.) стремились особым образом адаптировать античные (языческие) представления о законе, власти, принуждении к новой для того времени христианской императорской идеологии. Так, большой интерес в этом адаптационном процессе представляло известное положение Платона о соотношении законодательства и искусства: «Некоторым образом ясно, что законодательство — часть царского искусства, однако прекраснее всего когда сила не у законов, а в руках царственно-го мужа, обладающего разумом» [1. С. 48].

Такого рода идея в византийско-христианской традиции получила несколько иную интерпретацию. что прекрасно выразил Иоанн Стобей: «Я заявляю, что всякое общество состоит из управляющего и управляемого, третьим же элементом является закон. Далее, закон бывает двух видов: одушевленный, которым является царь, и неодушевленный, а именно писанный закон. Первенствующим же является закон. Ибо, если ему следуют, то царь является законным... а все общество счастливым, но если его нарушают, то царь является тираном, управляющий — непоследовательным, управляемый — рабом, а все общество — злосчастным» [2. С. 203]. Обратите внимание, какое оригинальное (и уже не язычески-античное) понимание сущности и взаимосвязи сразу нескольких важнейших компонентов государственно-властного пространства: «легальность царской власти», «легитимность царской власти», «власть закона», «тирания», «государственное управление». По большому счету, перед нами суждение, отражающее содержание правового государства, либо государства «диктатуры закона», причем сформулировано оно автором, жившим в V в., да еще и в империи.

Интерес представляет обращение к русским и российским доктринам, в той или иной мере

тяготеющим к византийскому политико-правовому наследию. Здесь следует отметить, что в ходе «переживания» российского права таких этапов, как традиционно-обычный (IX–XV вв.), классическо-московский (XV–XVII вв.), имперский-петербургский (XVIII), имперско-модернизационный (XIX — начало XX в.), советский (октябрь 1917–1993 г.) и современный происходит не только изменение духовной ориентации права, смена характера нормативно-правовой техники, правового статуса личности, соотношения национального и «заемного» элементов (норм и институтов), но и трансформация модели взаимосвязи права и государственной власти, права и общества, в ходе которой, собственно, и меняется понимание сущности и значения механизма государственно-правового принуждения, оценка его структурных компонентов, вектора развития и др.

Представители отечественной политико-правовой мысли проанализировали в своих трудах особенности развития и функционирования механизма государственного принуждения в российском политико-правовом и социальном пространстве. Они (каждый на своем теоретико-методологическом уровне, с использованием свойственного конкретной эпохе понятийного аппарата) отразили основные направления и итоги предшествующих исследований в сфере правовой и духовной свободы, права («Правды»), законности и государственного принуждения («Гроза», «Страх» и др.). Так, идеи суверенности Русского государства, его единства, сильной княжеской власти становятся ведущими в политико-правовой литературе Киевской Руси. В дальнейшем по мере упрочения феодальных отношений, развития процессов феодальной раздробленности и усиления внешней опасности все более настойчиво начинают пропагандироваться идеи единения всех русских земель (сначала вокруг Киева, а затем — Москвы) и смягчения социальных противоречий путем уменьшения эксплуатации и угнетения.

Первым русским социально-правовым и политическим трактатом стало «Слово о Законе и Благодати», созданное Киевским митрополитом Иларионом в середине XI в. В нем были затронуты и освещены вопросы происхождения, сути, целей и задач верховной влас-

ти, которой митрополит считал волю Божественную, данную князю как «причастнику и наследнику небесного царства» для выполнения своего высшего долга перед людьми и Богом. Образ христианского носителя верховной власти занимает центральное место в трактате Илариона, здесь прописаны и значимость ответственности русских князей за управление русским государством, и качества, которыми должны обладать князья для наилучшего осуществления власти. К таким качествам митрополит отнес мужественность, острый ум, милосердие и законопослушность. Закон был воспринят как воля, переданная людям Богом через своего избранника, это было связано с тем, что теологическая и юридическая значимость закона считались в то время едиными и не разделялись как понятия.

Илариона интересовала проблематика праведного суда как одной из форм государственного принуждения по «Правде» (недаром возникло понятие «оправдывать», близкое, но все же отличающееся во своему содержанию и смыслу от современной категории «оправдать») и определения наказания и «милости виноватому». Наказание определено им как «воздаяние каждому по делам его».

Несколько позже проблему принуждения и наказания рассмотрел Владимир Мономах. Вступив на престол, Мономах издал новые законы (Устав Владимира Всеволодовича Мономаха – вторая часть Пространной Правды). Программу своего политического правления он изложил в трудах «Поучение детям», «Послание Олегу Черниговскому» и «Отрывок», который условно принято называть «Автобиографией». В работах Мономаха нашла свое продолжение линия, начатая Иларионом: к проблемам, изложенным в «Слове о Законе и Благодати», он добавил ряд новых актуальных для реализации политической власти тем. В частности, были выделены связанные с пониманием природы, функций и социально-правовой значимости механизма государственного принуждения вопросы: форма организации княжеской власти и ее законодательно утвержденный объем, не остался без внимания и нравственный облик христианского правителя и формат его взаимоотношений с подвластным населением и князьями-вассалами.

Мономах не обошел своим вниманием и вопросы социальной значимости и механизма государственного принуждения и специфики юридической ответственности в древнерусском политико-правовом пространстве. Признавая, что государственное принуждение преследует различные цели в процессе правового регулирования и контекстуально отмечая его объективный для любой национальной государственности характер, Мономах указывал, что судебные функции должен был осуществлять сам князь и делать это «праведно, с милостью и избегая беззакония». «Избавьте обиженного от руки обижающего, праведно судите сироту, оправдайте вдовицу... не давайте сильным погубить человека». Любой человек, и убогий калека, и бедный смерд должен быть защищен от произвола и самоуправства. Что касается смертной казни, то Мономах, ссылаясь на традиции христианства, нравственности и морали, считал неприемлемым такой вид наказания. «Ни правого, ни виноватого не убивайте, и не повелевайте убить того, кто будет достоин смерти, ведь душу христианскую нельзя губить». В дошедших до нас фрагментах трудов Владимира Мономаха просматривается мироощущение этого мыслителя – строгого, но справедливого и «милостивого» к подданным государя.

В эпоху русского классического права, во многом в продолжение традиции механизм государственного принуждения уже рассматривается сквозь призму княжеско-церковных отношений, в контексте формирующегося в рамках имперской парадигмы «Москва – Третий Рим» взаимодействия юридических (позитивных) и религиозных норм и принципов. Так, М. Грек изложил ряд тезисов, в которых отражались предпочтительная форма власти, а точнее – способы ее осуществления на «Земле Русской»: царь управляет подвластными «в синклитских советах царских», к участию в которых допущены «благохитростные советники» и «крепкодумные воеводы». Плохих советников, «говорящих и советующих что-либо развратное», следует немедленно удалять, чтобы царь не подвергался их влиянию. Перечисляя состав «советующих лиц», Максим Грек рядом с боярством упоминает и дворянство (воеводы, военачальники).

Затронул Грек и вопросы судопроизводства, критикуя, в том числе, и взяточничество судей, расхищающих имущество, «обижая при том вдов и сирот». Ради получения мзды судебные чиновники не постоят перед наймом лжесвидетелей и клеветой. Такой суд наносит ущерб не только всем подданным государства, но и авторитету царя и даже престижу всего государства перед «окрест себя живущих ляхов и немцев», где суд свершается на основании «градских законов», к тому же справедливо и не взаимно [3]. Именно Максим Грек четко сформулировал мысль о том, что «правосудие должно осуществляться согласно закона и с равным отношением ко всем сторонам, участвующим в тяжбе, а мера наказания должна соответствовать тяжести содеянного».

Близким по взглядам к Греку и его окружению оказался Зиновий Отенский, создавший в XVI в. политико-публицистические произведения. Он осуждал тиранические способы правления и связывал метод государственного принуждения с проблемой утверждения власти закона в обществе. Зиновий подробно и последовательно развил мысль, что именно жизнь, основанная на законе, и угодна Богу. Законы, по его мнению, делимы на три категории:

- Божественные законы, к ним отнесены заповеди Бога Святоотеческие писания и постановления церковных Соборов. Источником их является Божья воля и эти законы духовны;
- обычные нормы, сложившиеся по-своему в каждой стране в виде обычаев и нравов исходя из климатических и географических условий. В обычаях Божественная воля выражена опосредованно [3];
- положительное (позитивное право) законодательство в двух видах – законы царские и градские.

Зиновий утверждал, что соблюдение «Закона» и «Правды» суть обязанность и «верховных правителей», и должностных лиц. И именно на этих основаниях должны осуществляться властное принуждение и определяться наказание. Царь выполняет закон, прежде всего тем, что организывает и осуществляет правосудие в стране.

Особая природа государственного принуждения рассматривалась И.С. Пересветовым,

который в XVI в. предложил ряд преобразовательных политико-юридических программ. Причем свои идеи он обосновывал в рамках тщательного анализа политико-правовых причин краха Византийской империи, что, по-видимому, и стало источником предлагаемой им модели осуществления государственной власти: расширение государственного вмешательства в различных сферах жизни Московского царства, признание за царем (и великим князем) священного права применять принудительные меры к «изменникам» в целях восстановления нарушенного права царской власти. Только сильной централизованной власти «царское от Бога мудрое приращение по небесному знаменю» [4. С.182].

Пересветов предсказал пути дальнейшего развития государственности и аппарата власти. Хотя вопросы о форме правления поднимались задолго до Пересветова, однако именно он впервые поставил вопрос о выделении суда в отдельную централизованную судебную систему. Уже из этой системы он отделяет в отдельное ведомство воинский суд, который осуществляется в армии начальниками, которые знают людей, служащих под их началом.

Особенности юридической ответственности как меры государственного принуждения И. Пересветов выделял в контексте присущего средневековому правовому менталитету совмещения понятия греха и правонарушения. Механизм государственного принуждения должен быть направлен на исправление таких «духовных пороков» общества, как «беззаконие» и «неправда». «Правда» – это не только отрицание порабощения и закабаления и не просто справедливость, выражающаяся в «соответствии наград и наказаний», а значительно более сложное понятие, включающее категории философские, морально-этические, религиозные и юридические» [5. С. 235–236].

Выявляя национальные основы правовой системы, специфику эволюции ее институтов, нельзя забывать и о том, что право и закон (в узком, свойственном западной культуре их формальном понимании) никогда не играли в русской жизни роль некоего безальтернативного, исключительно позитивно воспринимаемого большинством населения регулятора общественных отношений. На уровне массового со-

знания это выразилось в известном суждении о том, что «суровость российских законов всегда смягчается необязательностью их исполнения».

Иные акценты в отношении института государственно-правового института расставляет Ф. Прокопович. Высшая власть в обществе, считает Прокопович, образовалась путем договора, при заключении которого народ полностью отказался от своего суверенитета, передав его (или «вручив») верховной власти. Далее он отмечает, что именно в лице абсолютного монарха только и можно увидеть «стража и и защитника и сильного поборника закона...». Однако сам абсолютный монарх стоит над законом и обладает своего рода изначальной «непогрешимостью» в отношении всех своих действий, которые нельзя не только критиковать, но даже хвалить. Таким образом, монарх суть единственный (и высший) источник государственного принуждения, которое всегда и легально и легитимно, не может меняться без его воли. Именно монарх, который «никому и ни в чем ответа давать не должен», определяет оптимальное для собственной политики соотношение принуждения и убеждения. Применительно к российскому абсолютизму («империи петербургского стиля», как называли российское государство после петровских реформ евразийцы) принуждение в силу действия многих факторов стало доминантой властвования. Кроме этого, в обществе на уровне массового, профессионального и обыденного правового сознания укрепились представления о принудительности как главном элементе содержания российского права.

В целом не только при Петре Великом, но и при его не столь «великих» преемниках верховная власть своими действиями часто разрушала веками складывавшуюся в стране мотивацию правомерного поведения: во многом посчитав себя свободными от народных обычаев и нравов, представители новой «петербургско-немецкой» традиции (А.И. Герцен) начинают «поставлять» населению законы, иные результаты имперского правотворчества, совершенно расстраивающие его быт и, соответственно, подрывающие основы самого го-

сударства и общества. Напротив, Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. — первый общероссийский нормативно-правовой акт такого масштаба — являет собой непревзойденный образец соединения нравственного, традиционного (народного) начал с политическим, закона с обычаем. Впрочем, и сама подготовка этого документа, длительная и кропотливая работа по его созданию в соответствии с имеющими место принципами национального правотворчества показывает, как верховной властью должен разрабатываться законодательный акт.

Глухота власти к народной жизни, какими бы благими намерениями она ни была прикрыта, естественно, отзывалась правовым нигилизмом, хотя бы в форме «явного несочувствия россиян (представителей различных сословий) к формальному судилищу, основанному лишь на одной внешней букве закона, а не на «живой», нравственной правде» [6. С. 554], органичной национальному мировидению, убеждениям и поступкам. «Суд есть выражение общественной нравственности, это голос бытовой совести... Живой обычай выше мертвой буквы закона, совесть выше справедливости внешней. Таков принцип, который должен господствовать в судопроизводстве» [7. С. 566]. Так разве желание приблизить закон к нравственным началам является свидетельством его игнорирования? «Неужели, спросим мы, стремление соединить воедино и государственный закон, и народный обычай в духе подчинения и служения одной цели есть отрицание права?» [8. С. 117–118].

Тем более не нуждается в особых доказательствах положение, в соответствии с которым важным показателем и условием эффективности (юридических и иных социальных) норм является не нарастание государственной «принудительности» в общем механизме регулирования и охраны общественных отношений, когда правовая норма становится просто формой государственного принуждения, но, прежде всего, позитивное отношение к ним большинства населения.

Литература

1. Платон. Законы. М., 1999.
2. Гаген С.Я. Византийское правосознание IV–XV вв. М., 2012.
3. История политических и правовых учений /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2012.
4. Пересветов И.С. Сочинения. М.-Л., 1956.
5. Клибанов А.И. «Правда» земли и «царства» Ивана Пересветова //Исторические записки. 1977. № 99.
6. Аксаков И.С. О судебной реформе // Полное собрание сочинений: В 5 т. М., 1886. Т. 4.
7. Аксаков И.С. О мировом суде // Полное собрание сочинений: В 5 т. М., 1886. Т. 4.
8. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002.

References

1. Platon. Zakoni [Laws]. Moscow, 1999.
2. Hagen S.Y. Vizantiiskoe pravosoznanie IV-XV vv. [Byzantine sense centuries]. Moscow, 2012.
3. Istoria politicheskikh i pravovih uchenii [History of political and legal doctrines]. Moscow, 2012.
4. Peresvetov I.S. Sochineniy [Compositions]. Moscow, 1956.
5. Klibanov A.I. «Pravda» zemli i «tsarstva» Ivana Peresvetova [“True,” the earth and “kingdom” Ivan Peresvetova]. Istoricheskie zapiski [Historical notes]. 1977, I. 99.
6. Aksakov I.S. O sudebnoi reformi [On judicial reform]. Polnoe sobranie sochineniy [Full composition of writings]. Moscow, 1886, V. 4.
7. Aksakov J.S. O mirovom sude [On the World Court]. Polnoe sobranie sochineniy [Full composition of writings]. Moscow, 1886, V. 4.
8. Velichko A.M. Nravstvennie i nationalnie osnovi prava [Moral and national foundations of law]. St. Petersburg, 2002.